

ЮНГИАНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Лин
Коуэн

МАЗОХИЗМ



Юнгианская психология

Лин Коуэн

Мазохизм

«Когито-Центр»

1982

Коуэн Л.

Мазохизм / Л. Коуэн — «Когито-Центр», 1982 — (Юнгианская психология)

ISBN 0-88214-367-0

Лин Коуэн – доктор философии, практикующий юнгианский аналитик. Цель написания этой книги – помочь понять и исследовать мазохистские устремления, воплощенные в самых разных формах. Книга может оказать помощь людям, проявляющим склонность к мазохизму, может пригодиться специалистам-психологам, а также увлечь многих интересующихся вопросами психологии.

ISBN 0-88214-367-0

© Коуэн Л., 1982
© Когито-Центр, 1982

Содержание

Предисловие к новому изданию	5
Поделюсь своей фантазией...	8
Предисловие автора к русскому переводу книги	9
От переводчика	10
Вступление	11
ГЛАВА 1 Разновидности извращений	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Лин Коуэн

Мазохизм. Юнгианский взгляд

Предисловие к новому изданию

При психологическом истолковании предмета, которому посвящена эта книга, а именно мазохизма, как правило, забывают о том, что уже по определению мазохизм содержит в себе удовольствие. Слишком часто его считают чистой патологией, и с этой точки зрения, видимо, не признают ту сторону удовольствия, которая с ним связана. При обычном психологическом подходе мы не только не обращаем внимания на наслаждение, которое доставляет мазохизм, но и на то, что, как правило, он сосуществует с садизмом в понятии садомазохизма, поэтому в нашем представлении целостное восприятие мазохизма оказалось связано с соответствующим, хотя не всегда неизбежным, восприятием садизма.

В этой книге Лин Коуэн необычно то, что в понятие мазохизма автор *a priori* вкладывает смысл, связанный с получением удовольствия (и именно это обстоятельство делает эту работу классической), и в дальнейшем его развивает, фактически возвышая до глубинного обсуждения мазохистского переживания и его связи с религией, а следовательно, и с культурой. Связь мазохизма с религией слишком часто упускали из виду в дискуссиях и в психологических трудах, написанных на данную тему. Мы убеждены в том, что присущая мазохизму патология мешает нам видеть эту связь в западной культуре, несмотря на то, что христианская, а точнее – римско-католическая религия, на протяжении почти двух тысячелетий признавалась религией, основанной на «идеологии страданий»¹.

Вместе с тем другие времена и другие культуры понимали и использовали связь между мазохизмом и религией²; причем религию трактовали не только в духовном смысле, но и в психологическом, причем в широком значении этого термина. Но в данном коротком предисловии мы не будем в это углубляться. Сделать это – означало бы отказать читателю в интеллектуальном наслаждении, игре и удивлении, которые провоцирует эта книга.

Вместе с тем читатель должен представлять, что в области психологии многое изменилось (особенно в психологии юнгианской и архетипической), как и в области культуры и в области представлений о сексуальности, ведь эта книга в набросках создавалась лет пятнадцать назад. Хотя, по-видимому, американская культура довольно сильно подавляет воображение и нетерпима к так называемым сексуальным меньшинствам, например, к мазохистам (вследствие страха перед болезнями, передающимися половым путем, и общей тенденции к смещению политики вправо³), – во всех остальных отношениях она стала более открытой и терпимой к самому разнообразному проявлению сексуальных отношений. Например, в 2000 г. в ночных

¹ Здесь цитируется высказывание кардинала Бернарда Лоу.

² Прошло чуть больше ста лет с того времени, когда в Триесте умер сэр Ричард Фрэнсис Бартон – великий ученый викторианской эпохи: лингвист, эротолог и переводчик арабских сказок «Тысяча и одна ночь». Когда его раздели и стали готовить тело для бальзамирования, оказалось, что оно от самой шеи до ног было покрыто шрамами. Возможно, причина этих ран заключалась в тайном увлечении Бартона мазохистским культом Суфи (Sufi), приверженцы которого применяли самоистязание для достижения высшего состояния религиозного сознания. См.: Captain Sir Richard Francis Burton: The Secret Agent who Made the Pilgrimage in Mecca, Discovered the Kama Sutra and Brought the «Arabian Nights» to the West, Edward Rice (New York: Scribner's 1990), 475.

³ Так, например, недавно в Обществе Общей Хирургии велась пламенная дискуссия о мастурбации как альтернативе свободному занятию сексом студентов высшей школы.

клубах по всей стране отметило свою 25 годовщину Общество Уленшпигеля⁴, причем не только в больших городах, но и в провинциальных, например, в таких штатах, как Пенсильвания и Коннектикут, а также в Вестпорте⁵. Кроме того, пирсинг, татуировки и клеймо на лице и теле, разнообразное членовредительство и стиль садомазохизма стали частью модных увлечений, особенно среди молодежи. В 1982 г., когда книга «Мазохизм» была впервые опубликована, этого не было.

Но эта книга была написана вовсе не для популяризации «культуры андеграунда»⁶. Хотя, конечно, она могла оказать на нее какое-то влияние, все же ее цель заключается в том, чтобы помочь понять, углубить, исследовать и отрефлексировать мазохистские устремления, зачастую скрытые в чувствах вины и стыда, появляющиеся в сновидениях или же выражающиеся в виде навязчивости. В ней содержатся юнгианские и – что особенно важно отметить – архетипические идеи. И в результате получилось не клиническое исследование фрейдистского толка (как можно было бы ожидать), а книга, ориентированная и вдохновляющая на то, как помочь себе.

Вместе с тем эта книга может быть интересна в ином аспекте. К. Г. Юнг утверждал, что в западной культуре нет практик, позволяющих достичь экстатического состояния для высших *чакр*, которое возможно в Кундалини Йога⁷. Но если принять религиозное отношение к мазохизму, выраженное в книге Лин Коуэн, можно сказать, что западная культура через мазохизм – либо в виде религиозного института, либо в виде распространенной практики – обладает возможностью достичь высшей *чакры*, описанной в Кундалини. Поэтому в странном переплетении идей в книге «Мазохизм» можно было бы найти ключ, помогающий понять, почему Юнг, а также первые⁸ и последующие поколения юнгианцев, проявляли такой интерес к Кундалини Йога. Однако эта идея требует дальнейшего специального исследования.

Уважаемые читатели, позвольте мне просто сказать: я надеюсь, что все почерпнутое из этой книги – идеи, сравнения, детали, выводы – станут для вас неожиданным наслаждением и безболезненным удовольствием.

Джей Ливернуа

⁴ Общество Уленшпигеля – это некоммерческая организация, которая борется за сексуальную свободу всех взрослых людей. В особенности она пользуется популярностью среди людей, которые получают взаимное чувственное наслаждение от занятия садомазохизмом. Они объединяются в группы по четверо под названием «Прометей»

⁵ Кафе «Брук».

⁶ В сценах садомазохизма «bottom» – человек, исполняющий роль мазохиста, т. е. испытывающий боль.

⁷ См.: The Psychology of Kundalini Yoga, C.G. Jung, ed. Sonu Sham-dassani. Princeton: Princeton UP, 1996.

⁸ Следует отметить, что два известных юнгианца «первого поколения», Генри Мюррей и Кристиана Морган провели годы, экспериментируя с мазохизмом и мазохистскими переживаниями в специально построенной для этого башне в Норт Шор, штат Массачусетс. См.: Love's Story Told: A Life of Henry A. Murray, Forrest G. Robinson. Cambridge, Mass.: Harvard UP, 1992. Согласно интерпретациям Клер Дуглас, жизнь Кристианы Морган становится жизнью хорошо известной жертвы насилия. К сожалению, при современном увлечении «производством» жертв в идеологических и политических целях теряются нюансы и культура мазохизма, не говоря уже о ее открытиях в области эротики.



Поделюсь своей фантазией...

*Алхимия нужды преобразяет
Навес из веток в золотой шатер.
ШЕКСПИР. «Король Лир»*

Писать на подобную тему – значит без оглядки броситься в пучину мазохистских переживаний. К мазохизму я испытываю и глубокое отвращение, и не менее сильное влечение; я бунтую, даже несмотря на то, что в него погружается моя душа. Я нахожусь в классической зависимости от моей темы. У меня внутри начинают пробуждаться все мои фетиши, мои кумиры и мои симптомы; страница бумаги становится холстом, где рождаются образы, которые могли бы посоперничать с персонажами полотен Босха; они взлетают со страницы и начинают меня бичевать. Потерпев сокрушительное поражение в конце первого же абзаца, я начала с негатива, с погружения вглубь, и нет никаких признаков того, что у этой пропасти есть дно.

Я сознаю, что во многом дает о себе знать моя собственная психология, прорываясь в промежутке между точкой и красной строкой, проявляясь после каждого прилагательного. Это не помогает, но этого и не стоит избегать. Это – часть мазохизма: исповедь, саморазоблачение, обнажение, самораскрытие, раздевание, сведение к самой сути. Мазохизм важен не столько для сексуального удовольствия, сколько для жизни души. Возможно, для того, чтобы продвигнуться вперед, нам время от времени придется взяться за хлыст, но уж если на нас воздействует объединяющая сила фантазии, обратного пути нет. Фантазию остановить нельзя, и она творит реальность.

Мазохизм – прежде, чем все остальное, – неотъемлемая реальность. Это – не абсолютное извращение, не ущербность, не отклонение от нормы, а сущность: отражение души во время ее мучительных страданий в такие моменты, которые невозможно описать словами. Это время испытания утонченной боли, наступающей смерти, нашествия жутких образов, невыносимой страсти, воспламеняющей и тело, и душу. Появление этой книги – по существу следствие «странной необходимости».

Я нахожусь в неоплатном долгу перед Мэри Линн Киттельсон, непревзойденным мастером слова, для которой редактирование этой рукописи было тяжелой работой и которая стала ее крестной матерью; нельзя было обойтись без ее верной руки и точного и веского слова. Благодаря поразительной игре воображения Мэри Линн, искусству владения словом, критичному отношению и твердому желанию выпустить эту книгу в свет она стала намного содержательней. Я хочу поблагодарить многих других людей, принявших участие в подготовке к публикации и выпуске этой книги: редактора Кэролайн Уининг, увидевшую в середине моего путаного текста нечто жизнеутверждающее и одним движением своего указующего магического карандаша открывшую ему дорогу; Джуди Грэй-Шафман, благодаря которой я начала писать эту книгу; Мэри Фидлер, которая с начала и до конца сохранила веру в успех, Джинн Пирс, Дуга Белкнапа и Демоса Лорандоса, которые были первыми читателями рукописи и одинаково страстно выражали и свое одобрение, и свою критику; и в особенности – Пэт Бэрри, Джима Хиллмана, Криса Сантелле, Джона Пирса и Валери Лопеса, которые за многие годы дали мне намного больше, чем им кажется, причем сделали это совершенно незаметно для самих себя.

За все недостатки книги несу ответственность только я.

Предисловие автора к русскому переводу книги

Эта книга начала свою удивительно долгую жизнь в 1982 г., когда издательство Spring Publications включило ее в список своих изданий. Удивительно, что книга на тему мазохизма была написана не для того, чтобы кануть в неизвестность. Наоборот, в течение 20 лет она вызвала широкий интерес академической аудитории, людей, занимающихся клинической практикой, а также юристов. Однако я сомневаюсь, что в 1982 г. кто-либо в издательстве Spring Publications мог поверить – определенно не я – в то, что эта книга о мазохизме будет пять раз переиздана, подвергнется второй редакции и в результате станет, по оценке рецензентов, «классической» и пионерской работой в этой области.

Разумеется, я, как автор этой книги, очень признательна Валерию Мершавке, который выбрал ее для перевода на русский язык, причем она оказалась одной из первых отобранных им книг в пространном списке изданий Spring. Приятно узнать отзывы обычных людей, прочитавших эту книгу, которым она в какой-то степени помогла, ибо в конечном счете она была написана именно для них. Не для экспертов, не для практикующих клиницистов, не для юнгианских аналитиков, хотя известно, что многим из них она также принесла немалую пользу, – но прежде всего для обычных людей, испытывающих мучения от тайных фантазий о получении постыдного удовольствия. Книга была задумана для тех, кто ищет некий смысл во внешне непримиримых противоречиях; такой она и получилась.

Я очень благодарна Валерию Мершавке за его работу над переводом, а еще больше – за его убежденность в том, что эту книгу нужно перевести на русский язык. А теперь эта маленькая книга начинает свою новую жизнь. Я надеюсь, что новые читатели сочтут ее в чем-то для себя полезной, ибо независимо от того, на каком языке выражает себя душа – русском, английском или каком-то ином, – она втайне отчаянно стремится к тому, чтобы ее голос влился в общечеловеческую многоголосицу.

Лин Коуэн
21.12. 2002

От переводчика

Я хочу выразить огромную благодарность автору книги Лин Коан за помощь в переводе этой книги на русский язык, без которой многие мысли автора, понятные американским читателям, не были бы доступны отечественному читателю. Кроме того, я хочу выразить глубокую признательность Джессике Рейнер, сотруднице издательства Spring Publications, а также сотрудникам издательства «Когито-Центр», содействие которых существенно приблизило публикацию этого перевода, и конечно же, Виктору Исаевичу Белопольскому, который фактически открыл ей путь к отечественному читателю.

В. Мершавка

26.07.2004

*Посвящается Пат, Джиму, Крису, Джонну и Валери:
всем тем, кто помогал справиться с сумасшествием*

Вступление

*Бедная, заблудшая душа!
Таинственный, тупиковый,
Бесконечный лабиринт души!*
Джон Донн. «Проповеди»

Мазохизм... Упоминание о мазохизме чаще всего вызывает у собеседника странную улыбку. В его неодобрительном брюзжании слышится эхо неудовлетворенного аппетита. За гримасой отвращения скрывается вывернутая наизнанку улыбка ожидания. Что лежит в основе такого влечения-отвращения? Что в этом явлении привлекает обостренное внимание и вызывает противоречивое отношение?

Переживания, объединенные общим понятием «мазохизм», весьма разнообразны: от наслаждения/боли до раскрепощенной сексуальной активности с применением цепей и кожных ремней для сокрытия эмоциональной боли, которая настигает нас почти ежедневно и дает нам ощущение удовлетворения. В более широком смысле этого понятия к мазохистам относятся не только приверженцы рабской покорности и дисциплины, но и люди, которые провоцируют и поддерживают отношения, приносящие им боль, не испытывая явного удовольствия, которые просто не знают, как эти отношения прекратить. Ревнивые любовники, брошенные возлюбленные, сексуально раскрепощенные и сексуально зависимые – каждый из них совершает мазохистские поступки. Повсюду мы видим торопливых служащих, обойденных вниманием супругов, не оцененных по достоинству предприимчивых дельцов, чувствующих, что над ними совершается насилие.

Чтобы дать о себе знать, мазохисту совершенно не нужно быть кровожадным и вопиюще вульгарным. Он наделен весьма ощутимым элементом человечности – классической формой нормы, т. е. чем-то «среднестатистическим». Все мы *в среднем* ежедневно ходим на работу, стойчески выдерживаем давление некомпетентного менеджмента, инфляцию, налоги, скуку и сбой в работе компьютеров. По правде говоря, *в среднем* у нас крайне постыдные сексуальные мазохистские фантазии, которые, как правило, не реализуются в постели. Мы *в среднем* обычно лелеем тайные, но скромные амбиции, планы, надежды, которые почему-то никогда не становятся реальностью, а вместо этого оборачиваются болезненными воспоминаниями и горькими разочарованиями.

Мазохизм всегда считался крайностью. Согласно общим представлениям, мазохисты – это экстремисты и маргиналы. Если эксцентричные *мазохисты* будут говорить о себе *в среднем*, находящийся внутри каждого из них индивидуалист будет чувствовать себя оскорбленным. Мы относимся к мазохистам так же, как к преступникам и умственно отсталым, т. е. к людям, находящимся на краю той туманной области, которая называется психопатологией.

Нетрудно проследить, как мазохисты попали в область патологии. Известный психиатр XIX в. Краффт-Эбинг, который ввел понятие «мазохизм», в своем известном труде «Psychopatia Sexualis», вышедшем в 1876 г., отнес мазохизм к большому разделу «Общая патология». В результате этой классификации мазохизм сразу стал в ряд патологических, сексуальных и психопатических феноменов. Несколько позже Фрейд поместил мазохизм в раздел «Извращения», оставив его в гетто аномалий. Другие исследователи XX в., говоря о мазохизме, упоминали «расстройство личности», «невроз», «мазохистскую личность», а также форму «невроза навязчивой одержимости». В настоящее время⁹ в руководстве DSM III, выпущенном

⁹ 80-е годы XX в. (Примечания, помеченные звездочками, сделаны автором и переводчиком специально для настоящего издания.)

Американской психиатрической ассоциацией, мазохизм включен в раздел «Психосексуальные расстройства», подраздел «Парафилии», код 302.83, «Сексуальный мазохизм».

Позже Энн Лэндерс представила это общепринятое отношение к мазохизму более сжато в своем ответе на следующее письмо:

Уважаемая Энн,

Я замужняя женщина, перешагнувшая сорокалетний рубеж. Мне необходимо знать ваше мнение, как жить дальше. Мы с мужем попали в зависимость друг от друга. Я не имею в виду, что мы друг друга избиваем или жестоко обращаемся друг с другом. Но мы часто шлепаем друг друга по ягодицам, и это нас страшно возбуждает перед тем, как заняться любовью. Нам сказали, что такая зависимость в Англии очень распространена.

Все началось с нашего посещения клуба в Вестчестере, штат Нью-Йорк. Там было пять других супружеских пар. Мы встречаемся раз в неделю (у кого-то дома) и занимаемся этим. Недавно мы стали меняться партнерами, и это стало нас еще больше возбуждать и еще больше потянуло друг к другу. Разнообразие *придает* жизни остроту. Чтобы добавить в наши занятия любовью немного жизни, на день Святого Валентина Гарри подарил мне хлыст жокея. Он несколько раз его использовал, находясь со мной в постели; я думала, мне будет больно, но он лишь «прибавил обороты», – и я растерялась. Мы с Гарри читали вашу колонку еще подростками и уважаем ваше мнение. Нам бы хотелось знать, одобряете ли вы то, чем мы сейчас занимаемся. (Подпись: Вопрос из Нью-Йорка)

Ответ Энн:

Вам не требуется мое одобрение. Если Вы и Гарри хотите хлестать друг друга по ягодицам, это ваше и только ваше личное дело. Но чувствую, мне следует сказать вам о том, что люди, которые занимаются групповым сексом и причиняют друг другу боль ради сексуального возбуждения при половом акте, – это люди больные, больные и еще раз больные. Это воздействие (известное также как зависимость) совсем не ново. Оно веками было частью сценариев тонченного разврата¹⁰.

«Больные, больные и еще раз больные», – утверждает Энн, и все мы всегда думали точно так же. С точки зрения морали, по которой все делится на «правильное-неправильное» или «хорошее-плохое», с точки зрения медицины, которая все разделяет на «здоровое-больное», с социальной точки зрения, оценивающей все исходя из наличия социальной ценности или ее отсутствия, мазохизм всегда оказывается в проигрыше. С социальной точки зрения он представляет угрозу для нравственности, болезнь для человека и опасность для общества.

Но наш подход к этому явлению психологический и написана книга с точки зрения *понимания* мазохизма, его воздействия на психику и его значения. Понять его – значит погрузиться *под* поверхность, а потому мы скорее спускаемся вглубь, чем уходим вдаль, т. е. мы совершаем погружение. Мы не будем ни осуждать мазохизм, ни лечить, ни социально одобрять; но мы постараемся определить психологическую цель, которой он может отвечать.

Психологический подход многофакторный, поэтому стоит сделать несколько замечаний относительно употребления ряда терминов. Греческое слово *psyche* (психика) близко к изначальному значению слова «душа». Когда греческое слово *logos* («слово», «речь», «смысл») соединяется со словом *psyche*, мы получаем и важное для нас слово *психология* (*psychology*),

¹⁰ Ann Landers, Field Newspaper Syndicate column in the Minneapolis Tribune, 25. May. 1980.

и первую предпосылку для обнаружения смысла слова «душа», *вербального выражения* понятия, существенного для нашей темы. «Психология» пробуждает душу и все, что мы с ней ассоциируем: субъективность, переживание, эмоцию, рефлексию, а также религиозное отношение к системе ценностей и смыслу. Психология – не просто еще одна наука в дополнение к остальным: физиологии, химии, медицине и т. д. Я разделяю убеждение Юнга в том, что психика сама для себя является «первоосновой». Несмотря на то, что взгляды на психику формируются в других областях науки, по своему определению и по условиям своего существования она от них не зависит. Короче говоря, психика ни от чего не является производной и ни к чему не сводима. О ней можно рассуждать в контексте *того, что* мы анализируем и *исходя из чего* мы это анализируем. Будучи одновременно коллективным и индивидуальным феноменом, психика становится и нашей точкой зрения, дающей нам объективное видение, и средоточием наших субъективных переживаний.

Слово «душа» пробуждает религиозное чувство и поиск смысла событий и ценности переживаний, поэтому я предпочитаю ее слову «психика». Меня не сковывают многочисленные догматические или конфессиональные связи ни слова «религия», ни слова «душа». «Религию» и «религиозное отношение» следует понимать в более широком смысле, о котором говорил Юнг:

...тщательное изучение и наблюдение определенных динамических факторов, которые считаются «силами»: духов, демонов, богов, законов, идей или существующих под каким-то другим именем, присвоенным им человеком, жившим в мире, который ему казался могущественным, опасным или достаточно полезным, чтобы обратить на него пристальное внимание, или же великим, прекрасным и многозначным, чтобы его любить и преданно поклоняться¹¹.

Душу можно представить как метафорическое «пространство», где осуществляется религиозное переживание, или сферу, с которой существует религиозная связь. Разумеется, душа – это нечто возвышенное; и чем больше пытаться определить душу, тем неуловимей она становится.

Хотя мне больше не с чем сопоставить душу, вместе с тем я никогда не воспринимал ее отдельно от всего остального, возможно, потому, что она похожа на отражение в движущемся зеркале или на луну, отражающую дошедший до нее солнечный свет. Но именно это особое и парадоксальное изменчивое воздействие придает нам ощущение обладания душой или существования души. Несмотря на свою неосязаемость и неопределенность, душа обладает высшей ценностью во всей иерархии человеческих ценностей, часто отождествляясь с законом жизни и даже с божественностью¹².

Употребляемые в этой книге понятия «фантазия», «образ», «воображение» и «реальность» дают вторую предпосылку для толкования смысла слова «душа»: душа или психика не только *получает* представление и опыт, но и *творит* их. По утверждению Юнга, «психика ежедневно творит реальность»¹³. Юнг говорит о «фантазии» как о «деятельности воображения», называя ее «непосредственным выражением жизни психики, психической энергии, не имеющей возможности появиться в сознании иначе как в форме образов или содержания...»¹⁴ Юнг настаивает не только на том, что психика – источник внутренней реальности (в отличие,

¹¹ Jung, CW 11, § 8.

¹² James Hillman, *Re-Visioning Psychology* (New York: Harper amp; Row, 1975), p. X.

¹³ Jung, CW 6, § 78.

¹⁴ *Ibid.*, § 722.

например, от материальной реальности тела или логической реальности разума), но и на том, что наши фантазии подтверждают существование нашей внутренней реальности, сущность и значение которой не всегда зависят от внешних ориентиров. В его определении признается высокая важность и значение фантазии и образного представления; они появляются как естественные, фундаментальные проявления психики, создавая основу психической *реальности*.

Такой подход важен для нашего понимания психопатологии. «Психопатология» – это не только синоним «болезни» с медицинской точки зрения и не «грех» с точки зрения религии. Эти понятия затушевывают наше представление о том, что могла бы *выразить* психика через свою патологию, они не позволяют признать, что патологизация – одно из характерных проявлений души. А между тем анализ составных частей слова «психопатология» выявляет его изначальное значение: смысл (*logos*) страданий (*pathos*) души (*psyche*). Джеймс Хиллман искусно перевернул это в «выстраданный душой смысл»¹⁵. Посредством своей «психопатологии» душа говорит о своем состоянии и, возможно, о своих намерениях через симптомы, сновидения, фантазии и поведение; она делает это и в индивидуальном, и в социальном контексте.

Третья главная предпосылка нашего толкования – глубокое замечание Юнга о том, что «образ – это психика»¹⁶. Он поднимает «образ» с уровня вторичной сущности, «послеобраза» или остатка, результата ощущения или материального восприятия (физическим зрением) до восприятия внутренней реальности (через образное представление). Психологический способ видения мира (людей, объектов, идей) – это, по существу, взгляд, проникающий *насквозь*. Чтобы «видеть» психологически, нам следует «отвернуться от естественного восприятия реальности и повернуться к психической реальности воображаемого»¹⁷. Физиологическое зрение превращается в проникновенное видение. Поскольку образ – это психика, а образ никогда не буквален, весьма важно то, что воспринимается в воображении, может найти свое истинное выражение или описание только на метафорическом языке или языке сходства. Эта процедура больше похожа на создание стихотворения или написание картины, чем на формулирование громоздких умозаключений или логических концепций, характерных для учебников.

Данная книга – не научное исследование мазохизма, ибо здесь объективность столь же сомнительна, сколь законна субъективность. Это и моя четвертая посылка, и одновременно моя методология. Ощувив на себе воздействие амплификации, узнав, что такое раскрытие, хождение по кругу, стремительные душевные взлеты с ощущением остроты, близкой к предельной, а затем полное истощение – пройдя через все это, мы осознаем, что наука – далеко не единственная и даже далеко не лучшая модель исследования. Мой способ установления свободной связи не столько служит поучению или объяснению, сколько пробуждению осознания и описанию. Мазохизм – это парадоксальная, эмоционально заряженная, научно определенная, исторически обусловленная психическая фантазия. В результате ее появления во множестве образов она наделяется множеством смыслов, а потому для ее осознания нам требуется множество подходов. Используемые в этой книге модели – миф, религия, алхимия, история – благодаря своему образному языку и самой своей природе воплощают глубинные корни психической жизни, которые Юнг назвал «архетипами»¹⁸.

¹⁵ Hillman, p. 71.

¹⁶ Jung, CW 13, § 75.

¹⁷ Patricia Berry, «An Approach to the Dream,» Spring 1974, p. 62.

¹⁸ По определению Юнга, «архетип» – это одновременно и «первообраз» (CW 6, § 747), и предрасположенность образа, и «возможность представления образа»; он описывает его по аналогии со структурой «аксиально симметричного кристалла, структура которого по существу скрыта в „материнской жидкости“, несмотря на полное отсутствие каких-либо материальных признаков» (CW 9–1, § 155). Архетипы – это «типичные способы представления» (CW 8, § 273). Согласно описанию Хиллмана, архетипы – это «глубинные структуры психической деятельности, истоки души, определяющие наш взгляд на себя и на окружающий мир. Это аксиоматические, самоочевидные образы, к которым всегда возвращается жизнь нашей психики и все наши теории о ней» (Re-Visioning, p. xiii).

Область архетипов (слово «архетип» происходит от двух греческих слов: *arche*– «начало» и *typos* – «образ») – это мифическая размерность, место изначального переживания. Миф – не побочный продукт человеческого мышления и не бледное отражение социальных паттернов; создание мифов – это спонтанная, фундаментальная деятельность психики. Миф – не повествование о психически «спроецированных» персонажах, ибо тогда его роль становится вторичной и требует наличия источника проекции. Мифические события и люди, как например, Дионис, о котором пойдет речь в главе 6, являются носителями психических переживаний. Не будучи буквальными пересказами событий, мифы являются «подлинными» историями с участием «реальных» людей, ибо они психологически реальны и достоверны. Миф делает психику понятной. Нор Холл улавливает этот смысл мифа, когда пишет:

Стремление выразить то, что видно и слышно под поверхностью повседневной реальности, требует «языка души» и является одним из способов выхода мифологии на поверхность. Выразительное представление всех событий чрезвычайно сильного переживания создает *muthos*, миф, – не искусственно сконструированную историю, а буквально «устное» изложение первичного переживания при помощи первых слов, пришедших в сознание... Миф – это язык родной матери¹⁹.

Таким образом, миф является первоосновой, к которой мы обращаемся в поисках ощущения глубины и смысла.

И, наконец, последнее, что я хочу сказать о методологии: наше странствие имеет границы. Я не путешествовала по земному шару, чтобы проводить культурные сопоставления, я оставалась в рамках истории и традиций западной цивилизации. Я не взбиралась на вершины статистики сексуальных отклонений и не бороздила океаны подробных описаний клинических случаев. Эта книга написана на основе материала, полученного из разных источников: психиатрии, религии, литературы, мифологии, рассказов пациентов, собственных мыслей и переживаний, и мой подход должен был соединить все эти материалы, как это делают Судьбы, о которых речь идет в последних главах. Затем я переплела эти разные нити, чтобы получить текст книги, а не учебник. Это способ собирания и соединения частей текста, который, по видимому, себя оправдал, не столь уж отличается от альбома для аппликаций, в котором все картины собраны из фрагментов. Вместе с тем я использую амплификацию, чтобы усилить уровень и резонансную силу воздействия сновидения, переживания, идеи, образа и расширить его контекст. По существу, амплификация помогает создать контекст. Это способ прояснения смысла через описание, а не через определение. При употреблении разных метафор в амплификации делается акцент на тоне, оттенках, утонченной неоднозначности без резких противопоставлений и уравнивания всех составляющих. Материал определяет метод, тогда как образ подсказывает подход.

*Входит Дионис. Внешне он мягкий, даже женственный,
У него нет бороды; он одет в шкуру фавна и несет тирс
(т. е. стебель сладкого укропа, увенчанный листьями плюща).
На голове у него – веноч из плюща, а по плечам
Волнами струятся длинные белокурые локоны.
В течение всего спектакля он носит «улыбчивую» маску.
«Вакх». Начало действия*

¹⁹ Nor Hall, *The Moon and the Virgin: Reflections on the Archetypal Feminine* (New York: Harper amp; Row, 1980), p. 28.

ГЛАВА 1 Разновидности извращений

Пентей: Ты, говоришь, что видел бога.

Как же, по-твоему, он смотрелся?

Дионис: Как хотел, так и выглядел,

Он выбирал – не я.

ЕВРИПИД. «Вакх»

Несомненно, секс – вещь грязная, если им заниматься как следует.

ВУДИ АЛЛЕН. «Держи деньги и беги»

С тех пор как появилось это слово – более ста лет назад, – о мазохизме всегда отзывались плохо; мазохизм никогда не считали истинным страданием, скорее обманом и самоистязанием, т. е. противоестественной болью. В наше время страдания любого вида и масштаба кажутся либо подозрительными, либо глупыми, либо нездоровыми. В этой книге можно найти два разных подхода к мазохизму. Каждый из них по-своему важен: с одной стороны, исследуется значимость мазохизма, что помогает избавиться его от чудовищной бессмысленности, с другой стороны – возможности, позволяющие мазохизму доминировать и стать препятствием к процессу глубокого психологического осознания человеческой индивидуальности, которое Юнг назвал «индивидуационным процессом»²⁰.

Понятие «мазохизм», как и феномен, который оно определяет, испытывает по отношению к себе постоянные проявления насилия – назойливой, парадоксальной несправедливости. Это понятие перегружено, оно вызывает слишком много ассоциаций и обладает множеством коннотаций. И вместе с тем у него их слишком мало. В том виде, как мы его употребляем, оно – лишь одностороннее отражение нашего опыта и переживания, его негативной и нездоровой части. Но именно потому, что это слово так нагружено эмоциями, аффектами, образами и историей, нам никак не удастся с ним расстаться. Изменив его, мы потеряем весомую часть его содержания и патологического смысла – ощущение слабости, подчиненности и стыда, которое оно подразумевает. Это слово чрезвычайно нагружено, и оно должно нести на себе это бремя.

²⁰ Суть определения Юнгом индивидуационного процесса заключается в следующем: «В основном... это процесс, посредством которого происходит формирование и дифференциация индивидуальности; в основном это развитие психологической индивидуальности, в чем состоит его главное отличие от традиционной социальной психологии. Таким образом, индивидуация – это процесс дифференциации; при этом его цель заключается в развитии человеческой индивидуальности (CW, 6, § 757).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.